

The background is a stylized illustration in shades of blue, orange, and yellow. The top half features several hot air balloons of various shapes and sizes, some with crosses on them, floating against a dark blue sky. The bottom half depicts a Parisian street scene at night. In the foreground, several figures in hats and coats are walking. In the background, there's a building with arched windows and a sign that says "Café". The overall style is reminiscent of mid-20th-century graphic design.

Русская эмиграция в Париже

ОТ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ
ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ХЕЛЕН РАППАПОРТ

Хелен Раппапорт
Русская эмиграция в Париже.
От династии Романовых
до Второй мировой войны
Серия «Россия на переломе. Книги
о поворотных моментах истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983425

*Русская эмиграция в Париже. От династии Романовых до Второй
мировой войны: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-184728-9*

Аннотация

Отношение русских к Парижу всегда было особенным: французский язык учили, модой вдохновлялись, а связи двух стран – Российской империи и Франции, – всегда были очень тесными. На излете веков русские аристократы тратили в Париже баснословные суммы на изысканные развлечения, а в начале XX века Париж ошеломил «Русские сезоны» Дягилева. Неудивительно, что именно Париж стал убежищем для десятков тысяч аристократов, буржуа, интеллигенции и военных,

бежавших от большевистского переворота, зачастую без гроша в кармане.

Потомственные князья и прославленные генералы стали таксистами и рабочими на заводах Ситроена и Рено, а их жены – моделями и швеями. Но, несмотря на все тяготы, русская культура цвела даже в Париже – ручная вышивка талантливых аристократок нашла свою дорогу к модному дому Шанель; гремели имена Марка Шагала, Игоря Стравинского и Ивана Бунина. Некоторым эмигрантам удавалось встроиться в местную жизнь, но многие попали в замкнутый круг нищеты и всепоглощающей тоски по родине.

Написанная на основе сотен архивных источников, книга историка Хелен Раппапорт – это красочный репортаж из прошлого, рассказывающий трагическую историю русской эмиграции устами ее очевидцев.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Русские в Париже: список имен	7
Глава 1. Турне великих князей	15
Глава 2. «Мы потрясли весь мир»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Хелен Раппапорт Русская эмиграция в Париже. От династии Романовых до Второй мировой войны

*Посвящается Сью Вулманс, лучшей спутнице в
моих литературных путешествиях по России*

*Я положил Россию в сумку
И буду брать ее с собой.*

*Владислав Ходасевич, из прочитанного Нине
Берберовой в поезде при отъезде из России в 1922 году*

*Нет радостней судьбы – скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже.*

Георгий Адамович. За все, за все спасибо. 1931

Они не знают нас. Не знают русской эмиграции. Для большинства эмигранты – просто обносившиеся аристократы, поглощенные своей ностальгией и фатализмом, толпящиеся в барах... Добавьте только балалайки, громкие волжские песни, беспорядочные танцы и вот вам она – русская эмиграция.

Граф Владимир Коковцев, у Жана Деляжа. Россия в изгнании. 1930

Helen Rappaport

AFTER THE ROMANOVs: RUSSIAN EXILES IN PARIS
FROM
THE BELLE ÉPOQUE THROUGH REVOLUTION AND
WAR

Cover art and design by Jessica Cruickshank

Author photograph © John Kerrison Photography

Copyright © Helen Rappaport 2022

This edition is published by arrangement with The Peters
Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Русские в Париже: список имен

Следующий список содержит имена, наиболее часто упоминаемые в тексте.

Ахматова, Анна (1889–1966), одна из наиболее известных русских поэтесс; в Париже до Первой мировой войны;

Бакст, Леон (1866–1924), художник, дизайнер костюмов, прославился совместной работой с «Русским балетом» Дягилева;

Бенуа, Александр (1870–1960), художник и критик, тесно сотрудничал с «Русским балетом», Дягилевым и Бакстом;

Берберова, Нина (1901–1993), ведущая писательница русской эмиграции в Париже: после 1951 года сделала успешную научную карьеру в США, спутница Ходасевича;

Бунин, Иван (1870–1953), известный писатель, автор рассказов, лидер парижской литературной эмиграции, лауреат Нобелевской премии 1993 года, муж Веры Муромцевой;

Великая княгиня Виктория Федоровна (Виктория Мелита) (1876–1936), дочь принца Альфреда Британского и великой княгини Марии Александровны, жена великого князя Кирилла Владимировича;

Великая княгиня Владимир (Михен, Мария Павловна-старшая) (1854–1920), урожденная Мария Александрина

Мекленбург-Шверинская, с 1874 года Мария Павловна, жена великого князя Владимира Александровича, мать великих князей Кирилла, Бориса и Андрея, а также великой княгини Елены, принцессы Греческой;

Великая княгиня Мария Павловна (1890–1958), дочь великого князя Павла, сестра великого князя Дмитрия, невестка княгини Путятиной;

Великий князь Александр Михайлович (см. *Сандро*);

Великий князь Алексей Александрович (1850–1908), четвертый сын царя Александра II, брат великих князей Владимира и Павла;

Великий князь Андрей Владимирович (1879–1956), сын великого князя Владимира Александровича, муж Матильды Кшесинской;

Великий князь Борис Владимирович (1877–1943), сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны Мекленбург-Шверинской, внук императора Александра II;

Великий князь Владимир Александрович (1847–1909), третий сын царя Александра II и брат великих князей Павла и Алексея Александровичей, муж великой княгини Марии Павловны Мекленбург-Шверинской;

Великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942), старший сын великого князя Павла Александровича, брат великой княгини Марии Павловны, в Париже любовник Коко Шанель;

Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938), блюститель престола Романовых в изгнании; самопровозглашенный император в изгнании, старший сын великого князя Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II, муж Виктории-Мелиты Саксен-Кобург-Готской (Виктории Федоровны);

Великий князь Михаил Александрович (1878–1918), брат Николая II – не путать с великим князем Михаилом Михайловичем (1861–1929), известным как Миш-Миш;

Великий князь Николай Николаевич (см. *Николаша*);

Великий князь Павел Александрович (1860–1919), шестой сын царя Александра II и брат великих князей Владимира и Алексея, отец великого князя Дмитрия Павловича и великой княгини Марии Павловны; муж княгини Палей;

Вертинский, Александр (1889–1997), популярный певец, артист кабаре, имел большой успех в Европе и в СССР после возвращения в 1943 году;

Газданов, Гайто (1903–1971), писатель, работавший в Париже таксистом с 1928 по 1952 год, член французского Сопротивления во времена Второй мировой войны;

Гиппиус, Зинаида (1882–1945), поэтесса, критик и религиозный мыслитель, основатель парижского литературного объединения «Зеленая лампа» совместно с мужем Дмитрием Мережковским;

Горгулов, Павел (1895–1932), эмигрант, убивший президента Франции Поля Дурмера в 1932 году;

Графиня фон Гогенфельзен (см. *княгиня Палей*);

Гуль, Роман (1896–1986), писатель и критик;

Дон-Аминадо (1888–1957), псевдоним Аминодава Шполянского, журналист и сатирик, известный своими короткими юмористическими рассказами;

Дягилев, Сергей (1872–1929), влиятельный художественный критик, меценат, балетный импресарио, основатель «Русского балета», сотрудничал с Бакстом, Бенуа, Нижинским и Стравинским;

Егорова, Любовь (1880–1972), балерина Императорских театров Санкт-Петербурга, танцевала с Нижинским в «Русском балете» Дягилева;

Карсавина, Тамара (1885–1978), прима-балерина, танцевала в «Русском балете» Дягилева в Париже;

Керенский, Александр (1881–1970), министр обороны, затем премьер-министр Временного правительства в 1917 году, в Париже издатель эмигрантской газеты «Дни»;

Кнорринг, Ирина (1906–1943), недооцененная эмигрантская поэтесса, трагически умерла молодой от диабета;

Княгиня Вера Мещерская (1876–1949), основательница Русского дома для престарелых русских эмигрантов в Сент-Женевьев-де-Буа;

Княгиня Зинаида Шаховская (1906–2001), писательница и литературный критик;

Княгиня Палей (1865–1929) урожденная Ольга фон Пистолькорс, с 1904 года графиня фон Гогенфельзен, жена ве-

ликого князя Павла, в 1915-м получила титул княгини Палей;

Княгиня Путятин (Софья Путятин) (1866–1940), мать Сергея Путятина, второго мужа великой княгини Марии;

Князь Владимир Палей (1897–1918), сын великого князя Павла Александровича и княгини Палей;

Князь Гавриил Константинович (1887–1955), правнук царя Николая I, вступил в мorganатический брак с Антониной Нестеровской в 1917 году, в 1939-м получил титул великого князя;

Князь Феликс Юсупов (1887–1967), знаменитый аристократ и звезда парижского высшего общества, вместе с женой Ириной основал модный дом «Ирфе»;

Куприн, Александр (1870–1938), писатель, автор рассказов, вернулся в Советский Союз в 1937 году;

Кутепов, Александр (1882–1930), генерал, белогвардейский командующий, командир Русского общевойскового союза (РОВС), в изгнании в Париже с 1928 года, похищен и убит ОГПУ в 1930 году;

Кшесинская, Матильда (1872–1971), русская prima-балерина польского происхождения, бывшая любовница Николая II, тогда царевича, жена великого князя Андрея Владимировича;

Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870–1924), большевик, революционер, глава первого правительства Со-

ветского Союза с октября 1917 до 1924 года;

Лифарь, Серж (Сергей) (1905–1986), танцовщик балета и хореограф, танцевал с Карсавиной в «Русском балете» Дягилева в Париже;

Мать Мария Скобцова (1891–1945), урожденная Елизавета Пиленко, поэтесса и монахиня, устроившая бесплатную кухню и общежитие для русских эмигрантов в Париже;

Мережковский, Дмитрий (1865–1941), влиятельный поэт, философ и религиозный мыслитель, вместе с женой, Зинаидой Гиппиус, основал литературное общество «Зеленая лампа» в Париже;

Миллер, Евгений (1867–1939), генерал, после Кутепова возглавивший РОВС в Париже, похищен НКВД в Париже в 1937-м, в Москве подвергся пыткам и был расстрелян;

Милюков, Павел (1859–1943), министр иностранных дел Временного правительства в 1917 году, в Париже – издатель крупной русскоязычной газеты «Последние новости» (1920–1940);

Муромцева, Вера (1881–1961), автор дневника и спутница Ивана Бунина, с 1922 года его вторая жена;

Набоков, Владимир (1899–1977), эмигрантский писатель и поэт, жил в Берлине в 1922–1937 годах, ненадолго бежал из Германии в Париж от нацистов, затем в 1940-м эмигрировал в США;

Нестеровская, Антонина (1890–1950), морганатическая жена князя Гавриила Константиновича, в Париже полу-

чила титул княгини Романовской-Стрельнинской;

Нижинский, Вацлав (1889–1950), танцовщик балета и хореограф, произвел сенсацию в Париже, дебютировав в «Русском балете» Дягилева;

Николаша, великий князь Николай Николаевич (1856–1929), генерал Первой мировой войны, лидер монархистов в Париже с 1919 года до своей смерти;

Одоевцева, Ирина (1895–1990), псевдоним, настоящее имя Ираида Гейнике, писательница и поэтесса, вернулась в 1987 году в СССР, где опубликовала мемуары и обрела признание;

Поплавский, Борис (1903–1935), один из самых многообещающих молодых поэтов парижской эмиграции, разрушил свою жизнь наркотической зависимостью;

Ремизов, Алексей (1877–1957), писатель, иллюстратор, фольклорист, не нашедший своей аудитории в эмиграции;

Сандро, великий князь Александр Михайлович (1866–1933), муж сестры Николая II, великой княгини Ксении Александровны;

Седых, Андрей (1902–1994), псевдоним Якова Цвибака, писатель и журналист, эмигрировал в Нью-Йорк в 1942 году;

Стравинский, Игорь (1882–1971), композитор, сотрудничал с Дягилевым и Нижинским в новаторской постановке «Русского балета» «Весна священная»;

Сутин, Хаим (1893–1943), еврейский художник-экспрессионист, друг Марка Шагала;

Труайя, Анри (1911–2000), псевдоним Льва Тарасова, писал на французском, получил гражданство в 1933 году, обладатель многих наград, включая Гонкуровскую премию;

Тэффи (1872–1952), псевдоним Надежды Лохвицкой, популярная писательница в дореволюционной России, выдающаяся фигура парижской литературной эмиграции;

Фокин, Михаил (1880–1942), хореограф и танцовщик балета, сотрудничал с Дягилевым;

Ходасевич, Владислав (1886–1939), ведущий поэт и литературный критик парижской эмиграции, спутник Нины Берберовой;

Цветаева, Марина (1892–1941), выдающаяся поэтесса парижской эмиграции, страдавшая от бедности и одиночества, вернулась в СССР в 1939 году;

Шагал, Марк (1887–1985), белорусский еврей, урожденный Мойша Шагал, один из лидеров модернистской живописи в Париже, эмигрировал в США в 1941 году;

Шаляпин, Федор (1873–1938), оперный певец, выступавший в «Русских сезонах» Дягилева в Париже, много гастролировал по Европе;

Эренбург, Илья (1891–1967), просоветский журналист, эссеист и писатель, много ездивший между СССР и Францией, хорошо знаком с литературными кругами русской эмиграции в Париже;

Яновский, Василий (1906–1989), писатель и мемуарист, эмигрировал в США в 1942 году.

Глава 1. Турне великих князей

Летом 1900 года в Париже не было более изысканного места для *Le Tout-Paris* (популярное выражение, которым обозначалось модное парижское высшее общество), чем отель «Ритц» на Вандомской площади, где пили послеобеденный чай среди элегантных статуй, ваз и фонтанов в тенистом внутреннем саду. В сезон, когда Париж наводнили туристы, явившиеся на Всемирную выставку и вторую Олимпиаду, старомодная английская традиция «файф-о-клок» переродилась во французском прочтении в магический ритуал для богатейших представителей парижской верхушки.

Чай в отеле «Ритц» стал и обязательным пунктом программы для обеспеченных иностранных туристов. В саду «Ритца» можно было увидеть самых модных дам Парижа в изысканных туалетах и громадных живописных шляпах, образующих «обширный птичник с птицами всех цветов»¹. Шляпы немного перекрывали обзор, но стоило присмотреться, и взгляд непременно натыкался на одного из русских великих князей или княгинь, на принца или принцессу, графа или графиню – избранных из избранных. Для франкоговорящей русской аристократии Париж в последние сорок лет был вторым домом, куда бежали прятаться от суровой русской зимы и приближающейся революции, грозящей сверг-

нуть правящий класс. Вот как получилось, что к началу нового XX века Париж превратился в «столицу России за границей» – для тех, у кого денег куры не клюют².

Открытие русскими французской столицы восходит в действительности к царю-модернизатору Петру Великому, который посетил Париж в 1717 году и сразу же влюбился в Версаль. Он отдал предпочтение французскому стилю при строительстве собственного «окна в Европу» – российской столицы Санкт-Петербурга. Екатерина Великая – жена внука Петра – тоже была поклонницей всего французского и в период своего правления с 1762 по 1796 год активно развивала русско-французские культурные связи. По ее приказу французский стал официальным придворным языком; она вела обширную переписку с Дидро и Вольтером. Во дворцах Екатерины в Санкт-Петербурге и Царском Селе очевидно увлечение французским искусством и ремеслами.

В начале XIX века в отношениях двух стран произошел поворот, в результате которого они оказались враждующими сторонами в Наполеоновских войнах, закончившихся поражением и унижением французов, когда царь Александр I торжественно вступил в Париж 31 марта 1814 года во главе своей великой армии. Следующее столкновение между двумя державами произошло во время Крымской войны 1853–1856 годов. Однако когда к 1860-м отношения восстановились, русская аристократия и обеспеченные классы массово вернулись в Париж. Многие из них переселились туда, как

знаменитый писатель Иван Тургенев, известный парижанам с середины 1850-х под французской версией своей фамилии *Tourgenieff*. С 1847 года он жил в Париже практически постоянно, покинув Россию из-за страстной любви к замужней оперной певице Полине Виардо. Много лет Тургенев занимал квартиру в том же доме, что Виардо с мужем, на улице Дуэ – вплоть до самой своей смерти в 1883 году. Французы настолько полюбили его, что Тургенев стал неофициальным послом русской культуры в Париже и близким другом ведущих писателей современности – Дюма, Золя, Мопассана, Флобера и Жорж Санд.

На Всемирную выставку 1867 года в Париж явилась новая волна из двадцати тысяч русских гостей. Столько русских посещало теперь Париж на регулярной основе, что царь Александр II выделил из казны 200 тысяч франков на строительство для них собственного храма – собора Александра Невского, который открыл свои двери на улице Дарю в Восьмом округе в 1861 году. После разногласий в Европе, спровоцированных Франко-прусской войной 1870–1871 годов, и охлаждения между Россией и Германией с Австро-Венгрией после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов были посеяны первые семена нового золотого века сближения с Францией. К тому времени французы все больше начинали интересоваться русской литературой и культурой, благодаря, в том числе, ее продвижению во французских журналах дипломатом и критиком Эженом-Мельхиором де Вогио³. Од-

нако в период правления авторитарного и сурового Александра III, взошедшего на престол после гибели отца в 1881 году, в России воцарилась реакция. Тем больше для сластолюбивых великих князей из рода Романовых (включая собственных братьев Александра – Владимира, Алексея и Павла) стало искушение предаться парижским соблазнам или прокатиться по роскошным отелям и казино в Биаррице на Атлантическом побережье и по Французской Ривьере⁴.

Во Франции русские экспатрианты наслаждались процветающей франко-русской дружбой, достигшей апогея в серии политических альянсов 1890-х годов, к вящему недовольству кайзера Вильгельма, приложившего немало усилий, чтобы вбить клин между двумя странами. Эти новые отношения были закреплены пятидневным визитом царя Николая II с женой Александрой и десятимесячной дочерью Ольгой в Шербур и Париж в октябре 1896 года. Царская семья приплыла во Францию из Шотландии, где посещала королеву Викторию в Балморале. По словам фрейлины царицы, баронессы Буксгевден, «российские суверены, с первого мгновения их вступления на французскую землю, были встречаемы бесконечными овациями»; при въезде в Париж этот прием «стал положительно сумасшедшим»⁵. Криками *Vive le bébé et la nounou*, «Да здравствует младенец и нянька», приветствовали даже маленькую Ольгу с няней, когда они проезжали по Елисейским Полям в открытой карете под каштанами, украшенными искусственными цветами. Во вре-

мя той бурной «русской недели» двухмиллионное население Парижа увеличилось на 930 тысяч человек. Президент Форэ сопровождал Николая и Александру в их визитах в Парижскую оперу, Лувр, Нотр-Дам и на Севрскую фабрику фарфора. Николай также заложил первый камень в постройку нового моста – моста Александра III, – в честь его отца, предыдущего царя.

При этом принимались особые меры безопасности, ведь царь был первоочередной мишенью для русских революционеров и анархистов. Походы по магазинам, на которые надеялась Александра, совсем не вписывались в график встреч. Однако им с мужем, по крайней мере, удалось в сладостном уединении полюбоваться красотами Версаля и развлечься на грандиозном банкете, за которым последовало театральное представление с участием французской актрисы Сары Бернар. Каждый шаг четы Романовых французская пресса описывала в мельчайших деталях; превозносили также стиль и красоту Александры. Все русское – или псевдорусское – сметалось с полок магазинов, будь то памятные фарфоровые безделушки, «царское» мыло, русская символика и флаги, портреты семьи Романовых, игрушки в виде русского медведя и кабинетные фотографии Николая, Александры и маленькой Ольги. Был изобретен особый франко-русский сорт сыра; одежду в русском стиле продавали с ярлыками «подарок от царя»⁶. После императорского визита «Париж совсем обрусел», как заметил один современник⁷. А в регистраци-

онных книгах все чаще записывали новорожденных младенцев по имени Иван, Дмитрий, Ольга и Сергей.

Из всех русских экспатриантов, наводнивших Париж в то время, больше всего столичным развлечениям предавались искушенные великие князья. Их слава в этом смысле дошла до того, что с 1860-х годов туристам, стремившимся под покровом темноты изведать прелести тайного мира французской эротики, стали предлагать так называемое Турне великих князей – очень популярный, несмотря на отсутствие рекламы, туристский маршрут. Турне – начинавшееся после полуночи, когда закрывались театры, – позволяло платежеспособным туристам проникнуть в самые роскошные и модные бордели, игорные дома и бары Бельвиля, Монмартра и Лез-Аля; кабаре в Ла-Бютт. Турне стало частью мистической *belle époque*⁸. О нем появилась даже книга «Турне великих князей: парижские нравы»¹, опубликованная в 1901 году Жаном-Луи Дюбю де Лафоре, плодовитым французским писателем и издателем эротических произведений, который в 1885 году попал под суд за нарушение правил пристойности.

Считается, что идея такого турне принадлежала двум конкретным российским великим князьям – Владимиру и Алексею, сыновьям царя Александра II, – которые с юных лет регулярно наведывались в Париж в поисках сомнительных удо-

¹ «La Tournée des grands ducs: Moeurs parisiennes», на русском не издавалась. (Прим. ред.)

вольствий и роскошных яств, обожаемых обоими. Великий князь Владимир Александрович, старший из дядьев Николая II (а до рождения цесаревича в 1904 году третий в линии престолонаследования), был центральной фигурой «семейной олигархии», доминировавшей при дворе вплоть до революции 1917 года⁹. Со своей мрачной красотой, «огромным ростом... и пронзительным взглядом из-под мохнатых бровей» Владимир считался самым влиятельным из великих князей. Он пользовался исключительным уважением и внушал окружающим трепет, равно как и его не менее красивая, но более приземленная супруга, немка по происхождению, Мария Павловна (в девичестве Мария Мекленбург-Шверинская)². Владимир так и не смирился с тем фактом, что сам не стал императором (хотя его жена определенно питала подобные надежды на будущность их сыновей после смерти отца). Не став царем в России, он мог, по крайней мере, играть роль *grand seigneur* во время своих регулярных визитов в Париж каждые два года, куда он приезжал из Санкт-Петербурга через Берлин в собственном спальном вагоне с полноценной кроватью¹⁰. Остановившись, как обычно, в любимом отеле «Континенталь» на улице Кастильоне против Тюильри, Владимир давал полную волю своему сластолюбию, а порой и

² Поскольку Мария Павловна носила то же имя, что и дочь великого князя Павла, их стали называть соответственно «старшей» и «младшей», а ради простоты жену великого князя именовали великой княгиней Владимир. Так же будем называть ее и мы, чтобы избежать путаницы.

жестокости, гурманским аппетитам к еде и вину, а также привычке без счета швыряться деньгами, которую унаследовал и его сын, Борис. Его жена, «требовавшая от жизни лишь развлечений», могла, сопровождая его, предаваться неумеренным тратам на покупки, а в Монте-Карло просиживать ночи напролет за игровым столом¹¹. Сегодня сложно даже представить себе размеры состояния Владимира, получавшего от императорской казны содержание в размере 350 тысяч долларов (около 10 млн на 2022 год), к которому добавлялись доходы от принадлежавших ему земель, лесов и шахт, а также жалованье от многочисленных занимаемых им военных постов и прочих синекур. Справедливо будет сказать, что на тот момент состояние Владимира равнялось «бюджету многих великих держав»¹². В своем дворце в 360 комнат в Санкт-Петербурге он хранил сборники рецептов, которые выведывал у лучших поваров России, Франции и Австрии. У него был лучший в городе винный погреб, а к столу великого князя из-за Урала доставляли осетров и бочки черной икры. В Париже он настолько прославился своими питейными и гастрономическими излишествами, что его прозвали там «Гран-Дюк бонвиван», и в большинстве парижских ресторанов до сих пор можно найти *филе морского языка а-ля Гран-Дюк Владимир*¹³.

И хотя слава о разгульных подвигах шла впереди него, великий князь Владимир Александрович считался образ-

цом хорошего вкуса. Он был по-настоящему умен, утончен и образован, что ставило его гораздо выше просто богатого «светского льва»¹⁴. Владимир слыл эрудитом – его страстью были история и искусство, – был художником-любителем, причем небесталанным, и коллекционером икон. С 1876 года и до самой своей смерти он служил в Петербурге президентом Императорской академии изящных искусств и пользовался исключительным влиянием в художественных кругах. Русских денежных мешков в Париже встречали с распростертыми объятиями; но великий князь Владимир Александрович, по воспоминаниям дочери британского посланника Мериель Бьюкенен, «не *только* предавался экстравагантным увеселениям», но и «проводил много часов в музеях и художественных галереях, скупая для своей коллекции живопись и антиквариат»¹⁵.

Русская аристократия идеально вписывалась в *Le Tout-Paris* Прекрасной эпохи, то есть в круг, похожий больше на частный клуб с собственными правилами. Французская пресса регулярно дразнила читателей историями о распутстве и эксцентричных выходках великих князей, особенно об их кутежах в ресторане «Максим», «куда все, кроме *épouse légitime*» [законной супруги], приходили ради ночного буйства. Тут можно было запросто столкнуться с «князем Голицыным, князем Карагеоргиевичем, наследным принцем Греции Георгом и, конечно, Владимиром и его сыновья-

ми»¹⁶. Много сплетен ходило и про кузена Владимира, великого князя Сергея Михайловича, который прославился огромными ставками в казино в Каннах. Однажды в «Максиме» великий князь Сергей преподнес своей любовнице, Августине де Льерр – одной из парижских *великих кокоток* (проституток высочайшего класса), – «жемчужное ожерелье ценой 20 миллионов франков, изысканно разложенное на блюде с устрицами»¹⁷. Другие великие князья гонялись за такой же куртизанкой, испанской танцовщицей по прозвищу Прекрасная Отеро, которая вернулась с гастролей в Санкт-Петербурге с полным чемоданом бриллиантов, изумрудов и рубинов.

Великий князь Владимир Александрович был столь же щедр и в чаевых: как-то раз он добавил официанту в «Максиме» «к пригоршне золотых монет еще и несколько драгоценных камней». Как вспоминал позднее его кузен, великий князь Александр Михайлович – более известный как Сандро³, – визиты Владимира в Париж становились «праздничными днями в календарях метрдотелей и шеф-поваров Города света, которым он, устроив сначала страшный скандал из-за «отвратительного» меню, неизменно оставлял в конце вечера щедрые чаевые, вкладывая их в каждую протянутую к нему руку»¹⁸.

³ Великого князя Александра Михайловича все знали под именем Сандро. Чтобы избавить читателя от перечисления всех титулов, мы тоже станем звать его так.

К концу XIX века русские обрели в Париже такую популярность, что их прозвали там «боярами». В своем знаменитом кабаре на Монмартре певец Аристид Брюан выкрикивал «казаки идут!» при виде русских, заходящих в зал для ночного разгула¹⁹. Великие князья предпочитали занимать отдельные комнаты – *cabinets particuliers*, – где наслаждались обществом французских куртизанок. Однако иногда распоясавшиеся бояре выходили за рамки: один граф «имел склонность накалывать острой вилкой узоры на голых женских животах», а группа русских офицеров «устроивала любопытную игру с заряженными револьверами. Они выключали весь свет и принимались палить во все стороны. Последствия этих игр замалчивались, однако ущерб наносился огромный, и за него платили по-царски»²⁰.

Правда, не всем великим князьям удавалось избежать неприятностей. Один такой анонимный, но очень богатый господин проводил однажды вечер в ресторане с парой дамочек не самых строгих правил, и внезапно его сморила усталость. Стоило жертве заснуть, как спутницы завладели всем его добром, включая одежду, и оставили ему лишь галстук-бабочку, который так и болтался у несчастного на шее. Когда *maître d'hôtel* вошел в кабинет несколько часов спустя, чтобы подать счет, то обнаружил «полностью голого мужчину, громко храпящего на диванчике». Разбуженный, великий князь получил счет на пятьсот франков, но оказался неспособен заплатить. Явилась полиция, и его, завер-

нув в скатерть, посадили в карету и увезли в участок. Пришлось ему постараться, чтобы уговорить полицейских изменить маршрут и доставить его взамен в русское посольство²¹.

Другим великим князем, тяготевшим к парижской ночной жизни, был холостой брат Владимира Александровича, великий князь Алексис⁴, который в 1897 году приобрел роскошную квартиру в доме 38 по улице Габриель, на правом берегу Сены. Светловолосый красавец, Алексис запомнился румынской королеве Марии как «своеобразный викинг, идеально годящийся на роль Лоэнгрина, о каком Вагнер мог только мечтать»²². Высокий, как все великие князья Романовы, Алексис был, однако, достаточно плотного сложения и имел склонность к лишнему весу; он отличался громким командным голосом и царственными манерами. Как и его брат Владимир, он предавался нескончаемым удовольствиям. Не ограничивал себя ни в вине, ни в женщинах, кутил с цыганами, а девизом своим сделал фразу «В жизни нужно испытать все»²³. Кузен Сандро прозвал его «Красавчиком Барммеллом императорского семейства»²⁴. Он воплощал в себе образ настоящего светского льва и сильно походил на еще одного знаменитого охотника за наслаждениями, короля Эдуарда VII, также предпочитавшего эротические и кулинарные изыски Парижа удовольствиям, предлагаемым роди-

⁴ В действительности Алексей Александрович, но он больше известен под своим французским именем и в Париже прожил дольше, чем на родине.

ной. Алексис не был ни интеллектуалом, ни эстетом, как его брат Владимир; он отличался прямотой и добродушием старого моряка, способного кого угодно уморить долгими рассказами о днях былой славы (умело скрывая при этом собственную некомпетентность как адмирала, командовавшего флотом во время Русско-японской войны 1904–1905 годов). Как шутил Сандро, «он скор с женщинами и медлителен с кораблями». Алексис постоянно наведывался в Париж вместе с Владимиром – частота этих визитов породила в Санкт-Петербурге шутку о том, что «парижские дамы стоят России минимум одного военного судна в год»²⁵. Много слухов ходило о том, как деньги, предназначенные на строительство новых военных крейсеров для имперских военно-морских сил, утекали в карманы Алексиса, пока тот находился на посту главнокомандующего флотом – однако он был не единственным, кто лихо вытягивал деньги из государственной казны. Огромное количество афер проворачивалось для того, чтобы повысить доходы не слишком щепетильных великих князей²⁶.

Роскошная жизнь Алексиса в Париже отчасти служила ему утешением после кончины любви всей его жизни – Зины, графини Богарне, вышедшей замуж за его кузена и друга, герцога Лейхтенберга, с которой Алексис вел довольно несчастливый *ménage royal à trois*²⁷. Когда Зина умерла от рака горла, Алексис кинулся искать утешения в объятиях бес-

счетной череды актрис и танцовщиц; однажды он прибыл в легендарное кабаре «Мулен Руж» со своей свитой, под охраной агентов полиции, и стал спрашивать, умеет ли кто из танцовщиц плясать *русскую* (предположительно имея в виду казацкую лезгинку). Публика в зале ответила на его вопрос громким хохотом. Главная звезда, Ла Гулю (которую обесмертил своими полотнами знаменитый Тулуз-Лотрек), исполнила для него канкан, после чего Алексис, по воспоминаниям, чуть ли не всю усыпал ее банкнотами. Он пригласил Ла Гулю на ужин тет-а-тет в «Максима», где они ели белужью икру и праздновали новый франко-русский альянс²⁸.

Однако вскоре Алексис перенес свою страсть – и свои деньги – на французскую актрису с еврейскими корнями Элизабет Баллетту, приехавшую с французской театральной труппой в Санкт-Петербург. Он осыпал ее драгоценностями прославленных французских ювелирных домов – например «Картье», – благодаря номинально занимаемой должности в морском флоте. Но после катастрофического поражения России в войне с Японией русский императорский двор пришел в ярость при виде Ла Баллетты, красовавшейся в новехоньком ожерелье с крестом из бриллиантов и рубинов, стоившем Алексису 22 600 долларов (около 700 тысяч долларов на современные деньги), которое метко прозвали «Тихоокеанским флотом». Ла Баллетта, жаловались придворные, «обошлась русскому народу дороже битвы при Цусиме», которая закончилась позорным поражением и уско-

рила отставку Алексиса²⁹.

* * *

В эти последние годы *belle époque*, когда богачи считали Париж местом, где можно потратить деньги и воспрянуть духом, возник настоящий бум торговли предметами роскоши; драгоценности от домов «Бушерон», «Шоме», и в особенности «Картье», могли соперничать с лучшими изделиями Фаберже в Санкт-Петербурге. Фаворитом русских великих княгинь был французский модельер Чарльз Уорт; много лет ему покровительствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Повсюду в Париже бутики дорогих *parfumer*, меховщиков, арт-дилеров и антикваров привлекали колоссальные потоки русских денег. Королевский люкс в отеле «Ритц» с его декором в стиле ампира, «сочетающий достаточную помпу с максимальной степенью комфорта», часто использовался в качестве штаб-квартиры русскими, приезжающими в Париж, чтобы сделать покупки.

Помимо великих князей Владимира и Алексиса, великий князь Михаил Михайлович⁵ регулярно бывал в Париже со своей супругой, графиней Торби; великий князь Николай

⁵ Известный в семье как Миш-Миш, он был изгнан из России императором Александром III в 1891 году – за вступление в морганатический брак. В 1900-м пара осела в Англии и некоторое время жила в Кенвуд-Хаусе, близ Хэмпстед-Хит.

Николаевич приехал в 1900 году и потребовал, чтобы по всему отелю для его безопасности расставили вооруженную охрану. По его милости «Ритц» превратился «в настоящую крепость»³⁰. В отдельных залах приемов там проходили блестящие собрания в честь визитов великого князя Владимира Александровича с женой. Шеф-повар мсье Жимон, ранее работавший в русском посольстве в Мадриде, прекрасно умел удовлетворять оригинальные вкусы русских в еде и винах: «Он мог готовить их борщи, блины, битки и заливное не хуже шефов при русском императорском дворе»³¹.

Однако с 1902 года один русский великий князь с женой перетянули на себя все внимание и стали центральными фигурами в кругах экспатриантов из романовской России в период до Первой мировой войны. Великий князь Павел Александрович, младший из четырех сыновей Александра II, был, пожалуй, самым умеренным и демократичным из всех русских великих князей; его прекрасный дом в Булонь-сюр-Сен стал благодаря обаянию и дипломатичности его супруги Ольги, графини фон Гогенфельзен, не только магнитом для всех наиболее просвещенных и влиятельных представителей французской литературы, музыки и политики, но и, по сути, «придатком» российского посольства в Париже.

Высокий, «словно мраморная колонна»³², стройный и элегантный в своей форме командующего конной гвардией

– поскольку он был военным, как и его кузен, великий князь Николай Николаевич, – великий князь Павел Александрович отличался сдержанной красотой и носил аккуратные, хотя довольно пушистые, усы. Его мягкие карие глаза внимательно смотрели с сурового продолговатого лица. В них были серьезность и меланхолия, которые унаследовал сын великого князя Дмитрий Павлович. Его старшие братья славились своим распутством и в России, и за рубежом, в то время как Павел – это признавали сами Романовы – был на удивление «возвышен в мыслях, сдержан и строг». Он терпеть не мог никаких излишеств и слыл человеком вежливым, добрым и благородным³³.

Долгое время он оплакивал потерю первой жены, греческой принцессы Александры, которая скончалась в 1891 году после трех лет брака, оставив его с двумя малолетними детьми, Марией и Дмитрием. Он был безутешен, пока не повстречал знаменитую придворную красавицу Ольгу фон Пистолькорс. Однако она уже была замужем – за капитаном конногвардейцев – и имела от него троих детей. Роман Павла и Ольги привел к появлению на свет незаконного сына, Владимира, родившегося в 1897 году, и к громкому скандалу при русском императорском дворе. Несмотря на глубокую привязанность царя Николая к Павлу, тот вынужден был следовать строгому протоколу и немедленно отстранил пару от двора. Ольга, сильная личность, потребовала от Павла спасти ее от социального остракизма, и он, при помощи

брата Владимира, сумел убедить Николая II разрешить Ольге развод. Николай согласился с тем условием, что Павел не женится на ней. Однако очень скоро тот нарушил царский приказ, тайно покинул Россию и, как великий князь Михаил Михайлович до него, заключил с Ольгой морганатический брак в Ливорно, в Италии. Николай, вполне предсказуемо, отреагировал так же, как в случае с Михаилом. Павла лишили военных наград, конфисковали его состояние и в 1902 году изгнали из России. Что гораздо хуже, детей Павла Александровича от первого брака отдали под опеку его брата, великого князя Сергея Александровича, и его жены Эллы (сестры царицы). Николай был непреклонен; как он сказал матери, «боюсь, в конце концов в Париже образуется целая колония из членов русской императорской семьи с их полужаконными и незаконными женами»³⁴.

К 1903 году, проведя некоторое время в Италии, Павел и Ольга решили обосноваться в Париже. Момент оказался удачным, потому что русофильство там по-прежнему процветало в результате франко-русского альянса. Беспокоясь о своих доходах и предвосхищая кару за вступление в брак без разрешения царя, Павел спрятал деньги в иностранных банках, а из России якобы бежал с двумя чемоданами, где лежало три миллиона рублей золотом (эквивалент тридцати миллионам долларов на то время)³⁵. В Санкт-Петербурге его жену могли считать падшей женщиной и персоной нон-грата, но в Париже Ольга стала настоящей звездой французско-

го высшего общества. Поначалу пара жила в огромной квартире в доме 11 по авеню Иена, очаровательному проспекту в Шестнадцатом округе, где в 1903 и 1905 годах у них родились дочери Ирина и Наталья и где проходили их первые салоны и приемы.

Однако, для того чтобы достичь желаемого положения в парижском обществе, Ольга, которой было отказано в титуле великой княгини, нуждалась в другом, соответствующем ее новому положению. Статус морганатической жены старшего Романова создавал массу протокольных проблем и сложностей с исполнением официальных функций. Благодаря принцу-регенту Баварии она в 1904 году получила титул графини фон Гогенфельзен. Он был ниже, чем предыдущий, и не решал всех ее затруднений, поэтому законный статус Ольги оставался для Павла крайне болезненной темой.

События в России в 1905 году внушили и великому князю Павлу Александровичу, и графине фон Гогенфельзен серьезную тревогу. Избиение в январе 1905 года казацкими войсками марша невооруженных, ни в чем не повинных людей, требовавших повышения зарплат и улучшения условий жизни, навлекло на русский царизм позор и бесчестие – как внутри страны, так и за границей. Павел и Ольга были потрясены событиями, получившими впоследствии название Кровавое воскресенье. За ужином у себя дома, на улице Иена, с французским дипломатом Морисом Палеологом (будущим послом в Санкт-Петербурге с 1915 года до самой революции)

они открыто говорили о своих опасениях относительно родной страны. Все трое были в курсе активно циркулировавших политических сплетен насчет интриг Германии по принуждению России к вступлению в альянс против Британии. Ольга и Павел сходились во мнении, что протесты в Санкт-Петербурге приведут к падению старого режима. «Что ж! Все потеряно, так ведь? – сказал Павел Палеологу. – Вы сами видите, внутри и снаружи все разваливается»³⁶.

Убийство анархистом брата Павла, великого князя Сергея Александровича, в Москве менее месяца спустя было воспринято ими как акт отмщения; оно подтвердило, как опасна стала жизнь в России для членов семьи Романовых. Николай II приказал Павлу вернуться в страну на похороны Сергея. Однако границу с Германией он пересек в одиночку; Ольгу отправили назад как «нежелательную иностранку», о чем много шумела британская и французская пресса³⁷. Несмотря на отказ признать морганатическую жену Павла, Николай II на личной встрече после похорон сообщил дядьке, что простил его и он может вернуться в Россию, когда пожелает. Ему будут возвращены и состояние, и военные регалии. Однако Павел не сможет забрать детей от овдовевшей свояченицы Эллы, и Ольге въезд будет запрещен. Скандал с адюльтером особенно остро критиковала высокоморальная супруга Николая II Александра, которая настояла на том, чтобы графиню не принимали при русском дворе еще несколько

лет³⁸.

С болезненной ясностью Павел и Ольга осознали, что им придется обосноваться в Париже навсегда; для этого требовалась более внушительная резиденция, и поначалу они искали что-то подходящее в окрестностях Версаля. Наконец им попался идеальный дом – «Отель Юсуповф»⁶ на авеню Виктора Гюго, в Булонь-сюр-Сен в Шестнадцатом округе³⁹. Его построили в 1860–1861 годах для княгини Зинаиды Нарышкиной, вдовы князя Бориса Юсупова, которая затем вышла замуж за графа Шарля де Шаво и осела в Париже. После смерти княгини в 1893 году особняк унаследовал князь Николай Юсупов из Санкт-Петербурга, однако тот простоял пустым более десяти лет, пока Павел и Ольга не приобрели его⁴⁰.

Наконец-то у Ольги появилось дело, в которое она могла вложить всю свою энергию и реализовать собственные представления об утонченности *belle époque*, соответствующем ей образе жизни и развлечениях. Во многих смыслах супруги были архетипическими персонажами Пруста, и действительно графиня фон Гогенфельзен упоминается в великом цикле французского классика «В поисках утраченного

⁶ Использование термина «отель» в отношении парижских дворцов ведет к путанице, потому что это были частные резиденции, а отнюдь не отели. В здании L'Hôtel Youssouppoff ныне располагается École et Collège Dupanloup, частное католическое учебное заведение. Авеню Виктора Гюго с тех пор было переименовано в авеню Роберта Шумана.

времени», где вымышленная героиня Марселя Пруста, мадам Германт, наносит оскорбление великой княгине Владимир, ошибочно называя графиню фон Гогенфельзен «великой княгиней Павел»⁴¹. Павел упоминается там тоже, как «добрый великий князь», вместе с другими представителями высшего общества, с которыми их с Ольгой обычно ассоциировали: принцем и принцессой Мюрат, графиней де Порталь, леди де Грей, Верой де Талейран-Перигор, князем и княгиней Барятинскими, мадам де Шевинье, графиней де Грефюль и поэтом Робером де Монтескью, который появляется у Пруста под именем «барон де Шарлю».

Несмотря на боль от разлуки с Россией и детьми Павла, а также с их общим сыном Владимиром – тот вернулся в Санкт-Петербург и поступил в элитную военную школу, Пажеский корпус, – Павел с Ольгой наслаждались своей роскошной ссылкой вместе с двумя дочерьми в доме, «достойном Помпадур или дю Барри»⁴². Для обустройства нового жилища они использовали все лучшее, что могли предложить им парижские мастера. В 1905 году Ольга заказала дорогой ремонт и переустройство дома у знаменитого дизайнера интерьеров Жоржа Хентшеля, который заполнил внутреннее пространство произведениями искусства XIX века: картинами, антиквариатом, гобеленами, мебелью в стиле Людовика XV, скульптурами, миниатюрами, бронзой и мрамором. Ольга без устали рыскала по парижским галереям и выставкам в поисках новых сокровищ, особенно

керамики и изделий из стекла, яшмы и восточного фарфора, для своей коллекции, которой завидовала вся французская столица⁴³.

В этой роскошной, блистательной обстановке, с помощью шестнадцати слуг Ольга устраивала громкие приемы, в то время как ее сдержанный супруг Павел больше всего наслаждался ежедневными прогулками с дочерьми Ириной и Натальей в близлежащем Булонском лесу. Бывали у них и интимные ужины с друзьями, в том числе из рода Романовых, которые, наезжая в Париж, снисходили до Ольги, все еще отлученной от санкт-петербургского двора⁴⁴. Приемными днями у нее были воскресенья, с 16 до 19 часов.

В следующие несколько лет французская пресса – особенно «Фигаро», – всегда интересовавшаяся семьей Романовых, регулярно анонсировала тот или иной салон, прием или бал, который давали очаровательный великий князь Павел и графиня, его жена, «одна из красивейших женщин Парижа, отличающаяся не только своим положением, но также высокой духовностью и сердечностью, которые не могут не вызывать всеобщего восхищения»⁴⁵.

Когда Ольга не была занята организацией очередного суаре, она гонялась за дорогими покупками в лучших магазинах на рю-де-ла-Пэ. Сразу после свадьбы Павел начал приобретать для нее драгоценности, соответствующие новому статусу. Романовы и раньше покровительствовали дому «Картье»:

великий князь Алексис покупал там украшения для своей любовницы Ла Баллетты, а великая княгиня Владимир считалась постоянной клиенткой. С 1905 по 1915 год Ольга тратила на драгоценности около 5500 франков в месяц – в сумме 56 тысяч франков только на «Картье» (и это не считая денег, которые там же потратил на нее Павел)⁴⁶.

Дневники Ольги, хранящиеся в государственных архивах в Москве, представляют собой бесконечное перечисление предметов роскоши, записи расходов на примерки и парикмахера, которого она посещала несколько раз в неделю, на духи от «Роже и Галле» и «Убиган», кремы от «Герлен». Она была прекрасно знакома с лучшими магазинами на рю-дела-Пэ еще до брака с Павлом, поскольку часто сопровождала первого мужа, Эриха фон Пистолькорса, в заграничных поездках. Она считалась постоянной клиенткой Пакена, платья у которого стоили не меньше 5000–6000 франков каждое, а позднее стала преданной поклонницей Чарльза Уорта, магазин которого находился в нескольких кварталах от «Картье». Ольга очень боялась, что поправится и перестанет влезать в свои роскошные дорогие наряды, поэтому никогда не ела за столом, а лишь перекусывала в одиночестве⁴⁷. Оно того стоило: подлинный триумф ожидал ее на венгерском костюмированном балу у мадам Итурб в 1912 году, куда она пришла в потрясающем костюме – платье от Уорта, расшитом жемчугами, в меховой гусарской шапке, увенчанной тиарой от «Картье» с бриллиантами огранки «груша», в ожерелье,

также от «Картье», с жемчугом и бриллиантами, и меховой накидке. Прическа Ольги обошлась в 9950 франков (около 700 долларов) и была сделана у парикмахера Савари. Ее парадный снимок в этом наряде, сделанный модным фотоателье «Буассона и Тапонье», обошел всю мировую прессу и стал венцом моды Прекрасной эпохи.

Про один обычный майский день 1904 года Ольга записала в своем дневнике, что посещала ювелира Андре Фализа, чтобы поглядеть на драгоценности принцессы Матильды⁷, а потом «ходила к Картье полюбоваться украшениями и кое-что купить». После ланча она заказала шляпу у Мейера, а дальше отправилась к австрийскому кондитеру Антону Румпельмейеру на рю-де-Риволи выпить чаю с пирожным, после чего вернулась к «Картье». Такие вылазки, писала она, были «ужасно утомительны», равно как и растущие стопки приглашений, требовавших ее с Павлом присутствия на благотворительных праздниках, крестинах, свадьбах, садовых вечеринках, балах и визитах в оперу и театры. Устав от веселья, они с детьми уезжали в Биарриц, на юг Франции, в Италию или Германию, чтобы «поправить здоровье»⁴⁸.

Находясь же в Париже, Павел и Ольга направляли большую часть своего времени и денег на поддержку искусства. Павел был самой выдающейся фигурой русской колонии в Париже и «торжествовал, видя, как его жена занимает

⁷ Сестра Наполеона III Матильда скончалась в январе 1904 года, и ее драгоценности были выставлены на продажу в галерее Жоржа Пети.

достойное ее место в этом... блистательном обществе». Их частый гость, дипломат Шарль де Шамбрюн, туманно вспоминает о дивных вечерах у Павла и Ольги: «Все эти воспоминания с тех пор растаяли в дымке над Сеной. О! Вот бы вернуть те времена в Булони назад!»⁴⁹ К середине 1900-х дом в Булони прославился изысканными ужинами и утонченной кухней; он как магнитом притягивал к себе писателей, политиков, дипломатов, художников и музыкантов, равно как и высокопоставленных русских, приезжавших в Париж с визитами⁵⁰.

Благодаря страстной любви к музыке Ольга познакомилась и сдружилась с одной из главных покровительниц музыки в Париже американкой Виннареттой Зингер, давно живущей во французской столице, где ее знали по мужу как принцессу де Полиньяк. Виннаретта, богатая наследница, получила в 1875 году львиную долю состояния отца, Айзека Зингера, заработавшего 13 миллионов долларов на производстве швейных машин⁸, и щедро покровительствовала искусствам, особенно музыке. После короткого неудачного брака в 1893 году она вышла замуж за принца Эдмона де Полиньяка, гораздо старше ее, обаятельного, но незадачливого, чьим «единственным достоинством [был] титул»: классическая история о том, как американские деньги пришли на

⁸ На современные деньги это около 315 млн долларов. У Зингера было шестнадцать детей от трех гражданских жен; Виннаретта являлась старшей из его шести законных детей.

выручку отмирающей обедневшей аристократии⁵¹. Супруги, талантливые музыканты, поддерживали дружеские отношения – оба были нетрадиционной сексуальной ориентации, – основанные на общих культурных интересах, вплоть до смерти Полиньяка в 1901 году. К этому времени связи во французских аристократических кругах обеспечили Виннаретте (которую друзья ласково называли «тетушкой Винни») желанное положение среди верхушки парижской знати, описанной Прустом. Литературный и музыкальный салон, который она основала в своем впечатляющем неоклассическом особняке на пересечении улиц Кортамбер и Анри-Мартен, стал тем местом, куда стекались все новые композиторы, мечтающие о славе, в поисках покровительства. Главный зал там вмещал в полном составе камерный оркестр, и великий князь Павел с графиней фон Гогенфельзен, постоянные гости, наслаждались у Виннаретты музыкой Форе, Равеля, Дебюсси, Пуленка и Сати – среди прочих.

Великий князь Павел с женой отвечали ей таким же гостеприимством; на приеме у себя дома, в Булонь-сюр-Сен, в декабре 1906 года они познакомили Виннаретту с «высоким, энергичным молодым человеком с белой прядью в густых черных волосах», недавно приехавшим из России⁵². На тот момент он был одним из самых активных и влиятельных представителей русских художественных кругов в Санкт-Петербурге. Музыкальный и балетный импресарио с огромными амбициями, он очень скоро взял Париж штурмом со

своей труппой из певцов, танцовщиков, хореографов и художников-оформителей. Виннаретта Зингер в числе многих подпала под его неотразимое обаяние. Звали молодого человека Сергей Дягилев.

Глава 2. «Мы потрясли весь мир»

Имя Сергея Дягилева является синонимом Парижа 1900-х годов и покорения этой цитадели культуры его необыкновенной, выдающейся балетной труппой под названием «Русские сезоны». В России, в возрасте каких-то двадцати трех лет, он уже предвидел свою будущую роль, состоящую в сотрясении основ европейской культуры. «Я, во-первых, большой шарлатан, хотя и с блеском, во-вторых, большой *шармер*, в-третьих, большой нахал, в-четвертых, человек с большим количеством логики и малым количеством принципов и, в-пятых, кажется, бездарность». Бездарность или нет, он был уверен, что нашел свое «настоящее назначение» в меценатстве. «Все данные, кроме денег – *mais ça viendra*⁹», – предсказывал он¹. Успех действительно придет, но денежная сторона его амбициозных предприятий так и останется вечной проблемой.

Учившийся на юриста, Дягилев в действительности мечтал стать музыкантом и брал уроки у композитора Римско-Горсакова. Вторым его серьезным увлечением была живопись, и в 1898 году в Санкт-Петербурге он стал одним из основателей художественного объединения «Мир искусства», ставившего своей целью бросить вызов устаревшей

⁹ «Но это придет» (*фр.*). (Прим. ред.)

и, по мнению членов объединения, вышедшей из моды русской живописи, дав ход молодому модернизму. С 1899 года членами этой группы являлись основные будущие сподвижники Дягилева: художники Александр Бенуа и Леон Бакст. Под редакцией Дягилева они начали выпускать собственный, роскошно иллюстрированный эклектичный художественный журнал «Мир искусства»; но хотя частично издание финансировалось Николаем II, тиражи оставались небольшими – менее тысячи пятисот экземпляров каждого выпуска. С 1898 по 1904 год группа провела в России шесть художественных выставок, продвигая новый для России модернизм – собственную версию австрийского югендстиля и французского ар-нуво, – с упором на русский фольклор и традиционные славянские мотивы. Однако удерживать журнал на плаву оказалось нелегкой задачей из-за разницы в интересах и амбициозности его молодых корреспондентов, поэтому вскоре он лишился финансовой поддержки и был закрыт.

Дягилев едва не стал директором шести русских императорских театров, включая Мариинский, славившийся своими оперой и балетом, однако этому помешали его цветистая личная жизнь (он был открытым гомосексуалом) и отсутствие влияния при дворе². Поражение, однако, его не подкосило; прирожденный ниспровергатель основ, мечтавший продемонстрировать все лучшее в русской музыке и живописи широкой аудитории, он решил устроить «витрину» рус-

ского искусства за рубежом. Пора было показать миру, чего он до сего времени был лишен. И где еще, как не в Париже, художественной столице, в которой уже имеется процветающая русская колония? Дягилев отлично знал город и регулярно бывал там с 1890-х; как он писал своему другу и коллеге Бенуа, «французы будут дураками, если не согласятся. Я покажу им настоящую Россию»³.

В декабре 1906 года, когда Дягилев ужинал с Виннареттой Зингер у великого князя Павла и его жены, он приехал в Париж для устройства Выставки русского искусства в рамках ежегодного осеннего салона. Финансовую поддержку этому мероприятию, проходившему с 6 октября по 15 ноября, оказал великий князь Владимир, а позднее к нему присоединилась влиятельная парижская светская львица, графиня де Греффюль.

До сих пор за пределами России более-менее знали только русскую иконопись. С помощью Бенуа Дягилев отобрал показательный срез русской живописи, лучшие ее образцы начиная с восемнадцатого века: в числе 750 выставленных картин были работы Брюллова, Бакста, Кустодиева, Левитана, Левицкого, Рериха, Серова, Сомова и Врубеля. Многие из этих бесценных произведений живописи и скульптуры поступили из императорских дворцов; Дягилеву удалось убедить Николая II в «государственной важности» выставления русского искусства за рубежом и получить его разрешение впервые продемонстрировать некоторые шедевры

в Париже⁴. Добиться успеха ему помогло личное влияние на царя великого князя Владимира Александровича (детей которого учил рисованию Бакст), главы Отборочной комиссии. Выставка, заполнившая двенадцать залов «Осеннего салона», оказалась, по словам Бенуа, «исключительно интересной и блестящей». Декор помещений разработал Бакст, Бенуа оформил роскошный сувенирный каталог, продвигая тем самым творчество членов объединения «Мир искусства» среди парижской публики. Еще более важным, как вспоминал Бенуа, было то, что «так мы установили связи со многими людьми, ставшими впоследствии нашими друзьями». И не просто друзьями, не просто поклонниками – а влиятельными и богатыми представителями *Le Tout-Paris*, будущими финансовыми покровителями Дягилева⁵.

Выставка 1906 года стала первым шагом «кампании по экспорту русского искусства», проводимой объединением «Мир искусства» под руководством Дягилева. Русскую литературу во Франции уже знали и любили, а вот русская музыка и театр были французам практически незнакомы. Придя к выводу, что «в России ничего не добьешься и потому надо перенести свою деятельность за ее границы», Дягилев обратился к музыке как к своему новому предприятию⁶. На «Исторических русских концертах», запланированных им на 1907 год в Парижской опере, Дягилев собирался познакомить публику с новаторской русской музыкой, ведь пока что

Европа знала одного только Чайковского. Чтобы привлечь к гастроллям максимум внимания, он пригласил двух наиболее талантливых русских артистов участвовать в серии из пяти концертов: оперного певца Федора Шаляпина и своего учителя музыки, Римского-Корсакова, которому предстояло дирижировать собственными произведениями, а также попури из музыки других русских композиторов, включая Глинку, Бородина, Рахманинова, Чайковского и Глазунова. Однако, как обычно, вставала проблема финансирования. Дягилеву пришлось пустить в ход все свое обаяние, чтобы убедить великого князя Владимира Александровича в пользе его предприятия «с национальной точки зрения». Владимир имел огромное влияние на своего племянника, царя Николая, и добился от него значительных субсидий. Однако выколачивать деньги оказалось нелегкой работой: правительственных министров тоже приходилось убеждать, что отправка никому не известной русской труппы в Париж принесет пользу короне⁷. В конце концов нидерландский торговец резиной и производитель калош, проживавший в Санкт-Петербурге, предложил существенное пожертвование. В Париже публиковались подписные листы на пять концертов — этим занялась газета «Фигаро», которую читал *Le Tout-Paris*, включая великого князя Павла Александровича и русского посла Александра Нелидова. Дягилев добился финансовой поддержки и от графини де Греффюль: для этого он сел за фортепиано и сыграл ей отрывки из русских произведений,

которые сам любил и мечтал продвигать⁸.

16 мая 1907 года *Le Tout-Paris* собрался на первый русский концерт. В зале сидели великий князь Павел с графиней фон Гогенфельзен, брат Павла Алексис, их свояченица великая княгиня Владимир (ее бриллиантовая диадема «блистала над зрителями», как отмечала пресса); сыновья великой княгини Борис и Кирилл, жена Кирилла Виктория⁹. Кульминацией вечера стало выступление знаменитого русского бас-баритона Федора Шаляпина, исполнившего арию из оперы Бородина «Князь Игорь», основанной на древнерусском эпосе двенадцатого века. Сын бедных крестьян с Волги, Шаляпин уже прославился в Москве, в Большом театре, и гастролировал в Милане и Берлине, но в Париж приехал в первый раз. Французы в экстазе устроили ему овацию, и концерты 19, 23, 26 и 30 мая прошли при полных аншлагах. 29 мая великий князь Павел Александрович и графиня фон Гогенфельзен устроили музыкальный вечер в своем особняке в Булонь-сюр-Сен. Там Шаляпин смог поближе пообщаться со своими восторженными слушателями и обеспечить Дягилеву дополнительное финансирование от французских патронов, ведь хотя сезон имел огромный успех, вместо доходов он принес одни убытки¹⁰. Чтобы удержать свое предприятие на плаву, Дягилев сумел заручиться бесценной поддержкой французского концертного агента Габриеля Астрюка, с которым договорился о постановке в будущем году рус-

ской оперы. В 1908 году избранные сцены из «Бориса Годунова» Мусоргского – снова с Шаляпиным – должны были появиться на сцене Парижской оперы. Дягилев собирался занять в них самых выдающихся артистов. Планировалось дать серию из шести представлений, в которых Дягилев хотел представить публике древнюю, средневековую Русь как нечто новое и удивительное, чтобы «потрясти французов ее величием»¹¹.

Дягилев настоял на том, чтобы раздобыть оригинальные костюмы шестнадцатого и начала семнадцатого века, для чего «разграбил все восточные лавки в Санкт-Петербурге» в поисках крестьянских сарафанов, вышивок и тканей того периода. Леон Бакст воссоздавал те, что невозможно было купить, в мельчайших деталях; сценографией занимался художник Александр Головин¹². Эпическая опера с участием огромного хора и оркестра Большого театра разительно отличалась от всего, что Париж видел раньше; само представление стало гигантской логистической задачей, которую Дягилев решал со своим обычным энтузиазмом. Шаляпин опять потряс Париж роскошным исполнением. Дягилев выбрал из оперы наиболее показательные эпизоды, включая впечатляющую сцену коронации с хоровым сопровождением и процессией священников и бояр, а также сцену смерти Бориса, в которой Шаляпин проявил тонкий психологизм к вящему драматическому эффекту¹³. Французская прес-

са была в экстазе — один критик, захлебываясь от восторга, сравнивал «Бориса Годунова» с драмами Шекспира, поскольку в ней переплелись «осознание истории, всеохватывающий универсализм, реализм, богатство, глубина, беспощадная пронизательность, мастерство и уникальное сочетание трагического с комическим, а также наивысший гуманизм»¹⁴.

После триумфального дебютного представления Шаляпин отправил приятелю в Санкт-Петербург остроумную телеграмму: «Альпы пройдены. Париж взят»¹⁵. И снова «Русский сезон» всколыхнул Париж, но денег не принес. Патроны Дягилева сплотились и устроили сбор: 2 июня 1908 года Виннаретта Зингер созвала знакомых на вечер в честь завершения гастролей, в ходе которого гостям и поклонникам — включая великого князя Владимира Александровича, его сыновей Кирилла и Андрея, а также великого князя Павла Александровича, всех с женами, — было предложено оказать финансовую поддержку сезону 1909 года¹⁶. Но тут, когда Дягилев уже составлял амбициозную программу, которая потрясет *Le Tout-Paris*, произошла катастрофа. 17 февраля следующего года его главный покровитель, великий князь Владимир Александрович, скорпостижно скончался в Санкт-Петербурге.

Его смерть последовала почти сразу за кончиной 14 ноября 1908 года еще одного сторонника Дягилева из династии

Романовых и выдающейся фигуры русской колонии в Париже, великого князя Алексиса. Оба брата умерли, не дожив до преклонных лет: Алексис в пятьдесят восемь от пневмонии, Владимир в шестьдесят два от инсульта. Похороны Алексиса прошли в Париже с колоссальной помпой: кавалерийский эскорт, военный оркестр, катафалк, запряженный шестеркой лошадей с черными плюмажами, гроб, покрытый русским военно-морским флагом и украшенный гирляндой из роз и орхидей, которую прислал лично президент республики. Великий князь Павел Александрович и графиня фон Гогенфельзен возглавляли процессию родни, собравшейся на отпевание в русском православном храме, соборе Александра Невского на улице Дарю. После этого Павел – в сопровождении Ольги, которой Николай II дал-таки разрешение на въезд в Россию, – поехал вместе с гробом в Санкт-Петербург на официальные похороны в Петропавловской крепости. Всего четыре месяца спустя брат Алексиса, Владимир, был похоронен там же.

Несмотря на неизбежные финансовые затруднения, вызванные смертью Владимира, и потерю субсидирования со стороны Николая II, Дягилев уговорил Габриеля Астрюка вложить собственные деньги и спасти «Русский сезон» 1909 года в Париже¹⁷. На этот раз он собирался поразить публику еще более причудливыми представлениями по мотивам русских сказок. Изначально планировалось, что упор снова будет делаться на оперу, но Дягилева убедили, что нельзя сбрасывать

сывать со счетов русский балет¹⁸. Возможно, в этом таится величайшая ирония: по словам его коллег, художника Бенуа и балетмейстера Сергея Лифаря, Дягилев никогда особенно не интересовался балетом, да и не понимал его (это уже говорил только Бенуа)¹⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.